

Глава 12. До встречи

— А у вашего ордена Странный старик сегодня ничего не утянул?

За последние два года имя Странного старика прогремело на всю Поднебесную, заставляя мастеров боевых искусств бледнеть при одном упоминании о нём.

А началось всё два года назад.

В один из дней у некоего ордена похитили тайный свиток с уникальной техникой, что вызвало нешуточный переполох. В тайной комнате вор оставил лишь стальной дротик с вырезанным на нём словом «Странный». А в Поднебесной под это описание подходил лишь один человек — Странный старик.

Вскоре по всему Цзянху разнеслась весть: старик вернулся в мир боевых искусств и на этот раз нацелился на сокровенные учения великих школ.

Но не успели мастера впасть в панику, как всего через десять дней похищенный трактат вернулся на место в целости и сохранности. Однако радость была недолгой: пришла весть, что обокрали уже другую школу.

Целых два года обитатели цзянху пребывали в смятении: они трепетали перед Странным стариком и в то же время изнывали от любопытства.

Страх внушала его неуловимость. Старик проникал в святая святых любого ордена так легко, словно прогуливался по пустому полю. Случись ему затаить злобу и взяться за людские жизни — никто и охнуть бы не успел. От этой мысли по спине невольно пробежал холодок, заставляя признать: его мастерство граничило с непостижимым.

Странность же заключалась в том, что каждый похищенный свиток неизменно возвращался обратно. Кому-то его отдавали через пять дней, кому-то — через полмесяца, но всегда нетронутым. Зачем великому мастеру понадобились эти рукописи, оставалось загадкой.

За два года старик успел обойти едва ли не все школы Поднебесной — от великих и грозных до самых крошечных, затерянных на окраинах. Это лишь сильнее запутывало его мотивы.

Захоти он украсть чужие секреты ради собственной выгоды, его выбор пал бы исключительно на великие учения. Но зачем ему сдались неказистые приёмы безвестных кланов? Логика здесь бессильно пасовала.

Попытка заявить о себе или запугать? Тоже бессмысленно. Имя Странного старика давно гремело в мире боевых искусств. В единоборстве помериться с ним внутренней энергией могли единицы, а равных ему по силе во всей Поднебесной едва ли набрался бы десяток. Его высокое

положение не нуждалось в столь ребяческих доказательствах.

Если отбросить обе догадки, разгадать его мотивы становилось совершенно невозможно. Какая сила заставляла старика творить эти безумства?

Но однажды кто-то вспомнил слух двухлетней давности: тогда старик попал в засаду, устроенную целой толпой первоклассных мастеров, и чудом уцелел, отделавшись тяжелейшими ранами. Лишь тогда в умах людей забрезжила догадка: быть может, за этими странными кражами крылась изощрённая месть обидчикам?

Впрочем, пускай толпа судачит о чём угодно. В один из дней Странный старик вернулся с очередным трофеем — похищенным свитком, который небрежно бросил в руки Лю Муханя.

— Как обычно. Вызубри всё до единого знака, тогда зачту.

Лю Мухань спокойно поймал книгу. За эти два года он заучил наизусть если не сотню, то добрые несколько десятков подобных трактатов. Мальчик не разбирался в тонкостях описанных приёмов; он просто впечатывал в память слова и рисунки, зная, что в любой момент старик может устроить ему суровую проверку.

Время летело. Лю Муханю исполнилось двенадцать. Он вытянулся, раздался в плечах, а благодаря ежедневным тренировкам и стойке всадника его тело налилось силой. В этом статном отроке теперь трудно было узнать того запуганного, избитого заморыша, каким он был когда-то.

Лю Мухань никогда не спрашивал наставника о происхождении книг. Сказано выучить — значит, нужно учить. Никаких лишних мыслей.

Ступая когда-то по следам дедушки Гу к этой уединённой вершине, он думал, что их пути разойдутся от силы через месяц. Кто мог знать, что этот случайный приют задержит их здесь на целых два года?

Время от времени старик наказывал деревенским у подножия горы приносить припасы: то еду, то ткани, а перед холодами — тёплый хлопок для стёганных одежд. Если же Лю Мухань робко просил о какой-нибудь мелочи, он никогда не отказывал, молча исполняя его желания.

Мальчик, никогда прежде не знавший заботы, дорожил каждым прожитым на горе днём. Книги, принесённые наставником, он штудировал с особым рвением, заучивая строчку за строчкой, символ за символом — лишь бы оправдать молчаливое доверие старика.

Заполучив новый свиток, он раскрывал его, одновременно принимая стойку всадника. Ни единой песчинки драгоценного времени не должно было пропасть даром.

Странный старик, как и прежде, лежал в прохладной тени раскидистого дерева, неторопливо обмахиваясь большим плетёным веером.

Два года промелькнули чередой времён года: зной сменялся стужей, стужа уступала место теплу. И вот на вершину опустилось уже третье по счёту жаркое лето.

Старик и сам ловил себя на мысли, что удивлён. Он никак не ожидал, что задержится рядом с этим мальчишкой так надолго.

С этой мыслью он скользнул взглядом по Лю Муханю, который стоял в стойке всадника под палящим солнцем. На его лбу не было ни капли пота.

Сначала мальчик выдерживал два часа, затем — четыре, шесть... Теперь же Лю Мухань стоял непринуждённо и легко. Даже в самый жестокий полуденный зной его тело оставалось сухим и спокойным, являя выносливость, которой позавидовали бы иные искушённые мастера цзянху.

Поначалу старик воровал чужие трактаты лишь ради того, чтобы Лю Мухань поверхностно обучился хоть чему-то. Обладая столь крепким, выносливым телом, мальчик мог бы использовать эти приёмы как простые кулачные техники, чего с лихвой хватило бы, чтобы защититься от обычных задир.

Но наставник недооценил ученика. Память у Лю Муханя оказалась феноменальной: свою первую книгу он зазубрил всего за десять дней. Более того, он не просто запоминал слова — в его сознании отпечатывался каждый рисунок, каждое движение, и он мог в точности, без малейшего искажения, повторить показанные на схемах стойки и удары.

Это зрелище пробудило во вредном старике былой азарт. Ему захотелось прощупать предел возможностей мальчишки. Так появилась вторая книга, затем третья, четвёртая... И незаметно пролетели два года.

Даже теперь, если старик внезапно спрашивал его о формулах или стойках из трактата, прочитанного больше года назад, Лю Мухань отвечал без единой запинки.

При этом сам старик помнил лишь малую часть из того, что приносил. Лю Мухань же не знал, какой именно отрывок выберет наставник для проверки, но всегда отвечал безошибочно. Это означало лишь одно: абсолютно все похищенные сокровища знаний хранились в его голове в первозданном виде.

Старик вновь лениво взмахнул веером. Не будь этой удивительной забавы, он покинул бы гору ещё год назад.

Он долго всматривался в силуэт Лю Муханя, затем покачал головой, утомлённый грустными мыслями.

Если бы только не эти погубленные, разорванные в клочья энергетические меридианы! С его поразительным талантом мальчик мог бы вобрать в себя мудрость сотен школ. В Цзянху возшла бы звезда невиданной яркости, и его будущие свершения затмили бы славу нынешних великих мастеров.

Увы... Как же жаль!

Простояв под знойным небом ещё три стражи, Лю Мухань закончил тренировку лишь к вечеру. Бережно закрыв книгу, он отправился на кухню стряпать ужин.

Сегодня на ужин он приготовил тушёную свинину с бататовой лапшой, обжаренную зелень, хрустящую соломку из редьки и лёгкий суп из сушёного бамбука со взбитым яйцом. На столе высилась чаша со свежим, исходящим паром белым рисом.

Их хижина примостилась на плоском выступе у самого пика. Чуть ниже, у подножия, раскинулась деревенька, но подъём на вершину был настолько крутым и изнурительным, что крестьяне никогда не поднимались сюда без крайней нужды.

Вскоре после новоселья старик и мальчик приспособили для связи огромную корзину на длинной прочной верёвке. Сблизившись с деревенскими, они оставляли на дне монеты и условные знаки: бросишь пару зёрнышек риса — значит, нужен мешок крупы; положишь вялый капустный лист или хвостик редьки — принесут свежие овощи. По этой нехитрой подсказке крестьяне исправно собирали для них припасы.

Сила наставника, которую он однажды невзначай продемонстрировал внизу, раз и навсегда отбила у местных жителей желание хитрить или лениться. Благодаря этому жизнь на вершине текла на редкость благополучно и сытно.

Иногда старик брал Лю Муханя с собой на ярмарки в ближайший городок, но случалось это редко — лишь в дни самых пышных празднеств. Сам мальчик спуститься не мог: крутые отвесные скалы были слишком опасны. Для наставника, владевшего техникой лёгкости, этот путь занимал меньше времени, чем требуется, чтобы выпить чашку чая. Лю Муханю же пришлось бы карабкаться по круче несколько часов, рискуя сорваться в бездну при каждом неверном шаге.

Со временем он привык к уединению. Без ежедневной стойки всадника он теперь нуждался в физическом труде, и редких вылазок в мир ему вполне хватало. Тихая, размеренная жизнь на вершине приносила ему покой.

Пролетели ещё две недели. Лю Мухань перечитал свиток несколько раз, запечатлел в памяти каждое слово и бережно разгладил замявшиеся страницы. Закончив работу, он оставил трактат на деревянном столе посреди главной комнаты.

На следующий день книга со стола исчезла. Но сам старик так и не появился.

Лю Мухань продолжал жить прежним чередом: в одиночестве тренировался, готовил еду, ложился спать.

Обычно наставник возвращался через три-четыре дня. Иногда задерживался на неделю-другую, но тогда обязательно подавал о себе весть: отправлял почтового голубя или присылал письмо через дорожную станцию прямо в деревню, откуда крестьяне поднимали его в корзине.

Однако на этот раз прошёл целый месяц. На тропах не было видно знакомой фигуры, а в корзине так и не появилось заветного послания.

Изнывая от тревоги и боясь, не стряслась ли с наставником беда, Лю Мухань решился приоткрыть дверь в его комнату.

Скрипнула створка, и мальчик замер на пороге.

Внутри не осталось ни единого следа того, что здесь кто-то жил. Помещение встретило его холодной, чистой пустотой.

Лишь на грубой деревянной кровати сиротливо белел сложенный в несколько раз лист бумаги, прижатый гладким речным голышом.

Лю Мухань медленно, со свинцовой тяжестью в ногах, подошёл к постели, взял записку и развернул её.

На листе размашистым, колючим почерком наставника было начертано:

«Малец, когда ты развернёшь это письмо, меня уже давно не будет рядом. Ты парень пугливый да осторожный, так что хватился не сразу — оно и к лучшему. Считай, что я ушёл давным-давно, и не забивай себе голову напрасной тоской.

Встречи и расставания под этим небом предрешиены. То, что мы прожили бок о бок два года — уже щедрый дар судьбы. Дальше тебе придётся идти самому. Береги себя. Даст бог, ещё свидимся.

Приёмы из тех книг, что ты зазубрил, можешь понемногу пробовать в деле. Простая кулачная наука лишней не бывает, сгодится для защиты.

Вывожу эти строки и чувствую, как скребёт на душе. На старости лет, видать, стал слишком сентиментальным.

Ну да ладно, пустое это. Пора в путь. Прощай».

На этом письмо обрывалось. Последние слова были выведены совсем небрежно, словно старик очень торопился поскорее закончить и уйти, пока не передумал.

Сжав бумагу в кулаке, Лю Мухань опустил голову. Он до боли прикусил губу, но горячие, горькие слёзы всё равно хлынули из глаз.

Лишь спустя долгое время он смог тихо произнести в пустоту:

— Спасибо тебе, дедушка Гу. Спасибо... учитель!

<http://bllate.org/book/18166/1749159>